

После вопроса Чи Шу оба долго молчали. Поза объятий не менялась, и руки оставались на тех же местах.

Но каждый чувствовал сдержанность другого.

Рука Бянь Яня, лежавшая на шее Чи Шу, тоже начала напрягаться: он то сжимал, то отпускал, то снова сжимал и отпускал тот участок, но ни в коем случае не двигался выше или ниже.

Спустя долгое время Бянь Янь, почти не в силах сдерживаться, наконец заговорил:

— Чи Шу, честно говоря, я хочу, чтобы ты остался, но... не так.

— Во многих вещах нам не удастся прийти к общему знаменателю.

Смысл этих слов был очевиден. То, произойдёт ли дальнейшее развитие, теперь зависело от Чи Шу.

Вопрос «кто сверху, кто снизу» всегда был сложным для согласования между двумя чистыми верхами.

Но на этот раз было исключение. Почти не заставляя Бянь Яня ждать, Чи Шу сделал выбор.

— Тогда я уступлю, — закрыв глаза и запрокинув голову, дрожащим голосом произнёс Чи Шу.

— Босс Бянь, я никогда не занимаю позицию снизу, но если это ты, то я думаю... можно.

Сказав это, Чи Шу опустил руку немного ниже и ощутил под ладонью широкую спину Бянь Яня, где напряжённые, пульсирующие мышцы будто бурлили.

Чи Шу наклонился и поцеловал макушку Бянь Яня:

— Босс Бянь, давай сойдём с ума один раз, не думая о последствиях.

— Но у меня нет права сходиться с ума, — в голосе Бянь Яня прозвучала глухая нота. — И я не хочу, чтобы это дело стало результатом безумия. По крайней мере, с тобой — нет.

Произнеся это, Бянь Янь поцеловал кончик уха Чи Шу и сдавленно позвал:

— Чи Шу... Учитель Чи.

Услышав этот зов, Чи Шу опустил взгляд, скрывая эмоции в глазах, но вдруг с силой вцепился ладонями в лопатки Бянь Яня и издал из горла низкое «М-м».

Это словно послужило одобрением. Бянь Янь звал всё настойчивее, раз за разом, снова и снова повторяя имя Чи Шу, и его тон становился всё глубже, всё более тягучим, обнажая сторону, совершенно непохожую на обычную.

В этот момент в голове Чи Шу промелькнуло многое: и сцена из фильма, где Оливер сидит в одиночестве на стуле, раз за разом зовя имя Элио, и наложившийся на неё эпизод из «Острых козырьков», где Томми снова и снова зовёт Грейс.

Но все эти образы в конце концов были разбиты вдребезги этим повторяющимся «Чи Шу» от Бянь Яня.

Чи Шу понимал, что он действительно пропал, действительно попался.

— Хватит звать, Бянь Янь, — сказал Чи Шу. — Ты зовёшь так, что я готов отдать тебе свою жизнь.

Бянь Янь не остановился, но в его голосе появилась невысказанная усмешка. Он продолжал звать, звать, пока наконец Чи Шу, словно кусок растаявшего сыра, не ослабел и не уткнулся в его объятия.

Свечи по-прежнему мерцали, трепетные чувства клубились и переливались в ароматном воздухе. Такая, казалось бы, простая поза объятий хранила внутри жаркую и запутанную страсть, которую посторонний никогда не смог бы разглядеть.

Словно предельно нежный, запутанный сон в пыли мира.

Вдыхая аромат, смешанный с запахом тела Чи Шу, Бянь Янь чувствовал, как внутренняя пустота медленно заполняется, набухает и тяжело опускается в желудочек сердца.

Бянь Янь перестал звать, сглотнул и со вздохом произнёс:

— Чи Шу, можешь попробовать со мной?

Вообще, если взять любого другого человека, такие слова были бы крайне подлыми.

Попробовать.

Не полноценные отношения, а как семидневный товар с возможностью возврата — если не подходит или надоело, можно вернуть без всяких обязательств.

Поэтому слова подлые.

Но из уст Бянь Яня они звучали иначе.

— Смысл тот же, но сказано с искренностью.

Чи Шу понимал, что это большой прогресс: больше не заставлять тебя смотреть сквозь туман, не играть с тобой как попало, дать нить, чтобы ты держал и контролировал.

Но это всего лишь нить.

Чи Шу явно хотел большего.

— Бянь Янь, босс Бянь, — Чи Шу убрал руку и погладил голову мужчины. — Когда я люблю что-то, то имею склонность проявлять наглость и ненасытную жадность.

Бянь Янь поцеловал только что затронутую кожу, его голос слегка охрип:

— Чи Шу, ты можешь быть наглым и жадным, но я нет. Я не могу.

Эти сдержанные, полные самоограничения слова задели Чи Шу за душу, но в то же время заставили сердце биться чаще.

Его тронули принципы и границы Бянь Яня.

Он поместил Чи Шу в круг дорогих ему людей и с неподдельной искренностью осторожно лелеял его.

Чи Шу капитулировал. Он вздохнул, опёрся на плечи Бянь Янь, приподнялся и встретился с ним взглядом:

— Босс Бянь, я впервые с кем-то поступаю так, и у меня нет уверенности. Дай мне немного чувства безопасности, Бянь Янь.

Дай мне немного чувства безопасности, и тогда мы попробуем.

Дыхание Бянь Янь замедлилось. Он протянул руку и провёл пальцем по надбровной дуге Чи Шу:

— Чего ты хочешь?

— Это тебя спрашивать, что ты можешь мне дать, — Чи Шу поймал его руку и, наклоняясь, чтобы поцеловать основание ладони, поднял на него взгляд. — Бянь Янь, ты проникся чувствами.

Возможно, другие не поняли бы, но Бянь Янь не мог не понять.

Потому что Чи Шу говорил, что поцелуй — это то, что он позволит Бянь Яню, когда тот проникнется чувствами.

Бянь Янь не был глуп и понимал, чего на самом деле хочет Чи Шу. Двигаясь по инерции, он приподнял подбородок Чи Шу, прижал большой палец к его нижней губе и начал нежно тереть.

— Этого? — спросил Бянь Янь. Но не дожидаясь ответа Чи Шу, с уверенностью добавил:

— Ты хочешь этого.

Пока он говорил, сила в его руке постепенно увеличивалась, отчего и без того алая губа становилась ещё темнее, словно самая нежная сердцевина в глубине розы.

Чи Шу мотнул головой, наклонился и слегка поцеловал его кончики пальцев:

— Дал бы?

Бянь Янь чувствовал лёгкое, едва заметное прикосновение губ, смотрел на затуманенное светом лампы лицо Чи Шу, его дыхание участилось:

— Да.

Сказав это, он высвободил руку, обхватил лицо Чи Шу, притянул к себе, слегка приподнял подбородок — и их губы соприкоснулись.

В момент поцелуя сознание Чи Шу стало пустым, он совершенно не мог думать, лишь тупо смотрел в глаза Бянь Янь, тупо ощущал температуру его губ.

— Чи Шу, закрой глаза, — Бянь Янь произнёс это, касаясь его губ, и протянул руку, чтобы закрыть веки Чи Шу.

— Подожди... — Чи Шу ещё не пришёл в себя, но подсознательно отреагировал. Он наклонился вперёд, слегка надавил и осторожно спросил:

— Можно?

Если бы речь шла о любом предыдущем парне, Чи Шу не повёл бы себя так. Но Бянь Янь был другим, слишком ценным, настолько ценным, что страшно было делать следующий шаг без разрешения.

Чи Шу слегка опустил веки — он знал, что это делает его вид более вызывающим жалость, — и намеренно сделал голос более хриплым:

— Можно?

Бянь Янь не ответил. Вернее, не ответил словами. Он напрямую действием показал ответ.

Раздалось несколько глухих стуков. Стул опрокинулся, стол отодвинулся на некоторое расстояние.

Бянь Янь, поддерживая затылок Чи Шу, поднял его и посадил на стоящий позади ореховый стол, затем, придерживая его голову, наклонился и поцеловал.

Стражи, охранявшие городские ворота, уже получили приказ и покорно открыли их, позволяя противнику напрямую атаковать уязвимую мягкость.

Чи Шу упёрся обеими руками в затылок Бянь Яня, притягивая его к себе, одновременно поднимая голову и углубляя этот нежный поцелуй.

Свечи в магазине по-прежнему мерцали, песня продолжала играть, но на этот раз густой воздух придал свету и пению колышущийся оттенок.

Настала полночь. В магазине прозвучал сигнал электронных часов, поставив краткую точку в этом безумном смятении чувств.

Бянь Янь, прикрыв глаза Чи Шу, успокаивал дыхание. Чи Шу тоже не делал лишних движений, просто покорно лежал на столе, ожидая, пока утихнут и Бянь Янь, и он сам.

Спустя долгое время Бянь Янь наконец восстановил нормальное дыхание, протянул руку, поднял Чи Шу, сам подошёл к стойке и налил стакан виски со льдом.

Чи Шу, опираясь на руки, сидел на столе и смотрел на него. Воротник, изначально намеренно расстёгнутый, после всех этих действий разошёлся ещё сильнее, безвольно сползая набок, а свечной свет струился по нему.

— Чи Шу, — Бянь Янь мельком взглянул на отражение в корпусе кофемашины, всё ещё стоя спиной, хрипло произнёс, — застегни одежду.

Чи Шу хитро прищурился, не двигаясь:

— Мне жарко, не хочу застёгивать.

Сказав это, он намеренно повернул плечо, и рубашка вместе с пиджаком развернулись наружу, увеличивая площадь, по которой струился свет свечи.

Бянь Янь залпом осушил стакан ледяного виски, на лице сохраняя спокойное выражение, подошёл, с силой потянул воротник Чи Шу и, пуговица за пуговицей, застегнул его, заодно подняв молнию на куртке до самого верха.

— Впредь на работу не одевайся так. Плохо влияет на учеников, — сказал Бянь Янь. — Как педагог, должен уделять внимание имиджу.

<http://bllate.org/book/15609/1393572>